

может быть широко использована как византинистами, так и историками ближневосточных стран, изучающими период перехода от древнего мира к средним векам, этот один из наиболее интересных и поучительных периодов истории.

З. В. Удальцова

ПИСЬМА ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО, Перевод М. Е. Сергеевко, А. И. Ловатура и В. С. Соколова. Примечания М. Е. Сергеевко и В. С. Соколова, М.—Л., изд. АН СССР, 1950, 578 стр., тираж 5000 экз., цена 24 р. 50 к.

Библиотека «Литературных памятников», издаваемая Академией Наук СССР, пополнилась еще одним произведением античной литературы — «Письмами Плиния Младшего». Полного перевода этих писем на русский язык до сих пор не существовало.

Письма Плиния Младшего, как указывает проф. М. Е. Сергеевко, «являются для нас драгоценнейшим источником для характеристики быта и нравов той эпохи» и «имеют для нас огромную историко-познавательную ценность» (стр. 466). Чтобы представить себе, какие серьезные изменения в государственном строе Рима произошли за те сто лет, которые отделяют год смерти Цицерона (43 г. до н. э.) от года рождения Плиния (61 г. н. э.), достаточно сравнить письма того и другого. По письмам Цицерона ясно видно, насколько богаче и ярче деятельность и общественная роль самого Цицерона, а также та эпоха крушения республики и рождения принципата, когда протекала его жизнь, чем время, когда жил Плиний (правление Домициана, Нервы и Траяна), и чем его общественная роль. Хотя Цицерон в действительности далеко не был столь великим и всемогущим политическим деятелем, каким он себе казался, но все же не только круг его деятельности, его друзей и врагов, но и его личный политический кругозор был шире, чем у Плиния, замкнутого в узком кругу служебных и литературных интересов. Угасание широкой общественной жизни и политических интересов в Риме, изменение роли судебных учреждений, превращение прежних выборных должностей в должности по назначению — все это ясно отражается в письмах Плиния. Правда, в этих же письмах отразились также и некоторые относительно положительные стороны императорского Рима; более четкое функционирование государственного аппарата, увеличившаяся ответственность судей и чиновников, интерес к провинциям и провинциалам, развитие гражданского права и т. п. Все эти явления можно заметить, читая не только X книгу писем — переписку Плиния, бывшего в 112 или 113 г. управителем Вифинии, с Траяном, но и многие другие его деловые письма. В постоянно сменяющемся содержании многочисленных писем, носящих литературный, повествовательный, описательный, философский и просто дружески-шутливый характер, живо и всесторонне раскрывается бытовая сторона императорского Рима, типичным представителем которого является автор писем.

Начавший свою служебную карьеру при Домициане, которого Плиний впоследствии не раз поминает злым словом, но при котором он успел все же пройти половину служебной лестницы (должности квестора, трибуна и претора), быстро возвысившийся при Нерве и Траяне, известный юрист и адвокат, преимущественно по гражданским делам, знаток и древней, и современной латинской, а также греческой литературы, осведомленный в философских вопросах, окруженный бесчисленными приятелями, покровительствующими и покровительствуемыми, Плиний является типичным представителем знати того времени.

Как и предыдущие тома «Литературных памятников», письма Плиния изданы и оформлены очень тщательно. Кроме десяти книг (стр. 7—354), в этот том вошел перевод единственного ¹ дошедшего до нас риторического произведения Плиния — «Панегирик

¹ Ни многочисленные речи Плиния, о которых он неоднократно упоминает в письмах, как об обработанных и опубликованных, ни сборник его стихотворений, выпущенный в свет им самим, до нас не дошли; только одно стихотворение приведено в письме 9 книги VII; о таланте оно не свидетельствует.

Траяну» (стр. 355—455). Оно, конечно, менее интересно для чтения, чем письма, переполнено неумеренной лестью и всеми ухищрениями риторики, в силу чего крайне трудно для перевода; однако, несмотря на кажущуюся неблагодарность труда, взятого на себя В. С. Соколовым, перевод этот с исторической точки зрения все же очень важен, так как в «Панегирике» имеются сообщения о многих малоизвестных исторических событиях из времени правления Нервы, сведения о мероприятиях при засухе или наводнениях в провинциях, о государственных постройках, рассуждения об институте «усыновления», очень важном для позднего Рима, и т. п.

К переводу имеется ряд «приложений»: во-первых, краткая статья акад. И. И. Толстого «От редакции», дающая общую характеристику произведений Плиния (стр. 459—462), во-вторых, статья проф. М. Е. Сергеевко «Плиний Младший»¹ (стр. 463—67) и статья доц. В. С. Соколова «Панегирик Плиния Траяну» (стр. 468—472). В сумме эти статьи дают представление о жизни и деятельности Плиния, государственной и литературной. Однако в интересах широких читательских кругов следовало дать несколько более развернутый исторический очерк и характеристику правления Домициана, Нервы и Траяна; это время значительно менее известно широкой публике, чем история республиканского Рима, так как научных трудов по истории этого периода меньше, и они менее распространены. Следовало бы также дать хотя бы небольшую карту Вифинской провинции.

Перевод снабжен подробными «Примечаниями», занимающими почти 100 страниц (стр. 474—550). Насколько можно судить без дословной проверки, примечания сделаны очень тщательно и серьезно, дают много интересных «реалий» о судопроизводстве, о культуре и о быте.

Некоторым недосмотром является путаница в сведениях о городах Вифинии, Прусе и Прусиаде, о которых не раз упоминает Плиний в X книге писем. Примечание 31 (стр. 536; кн. X, 17а) гласит: «Пруса — город в Вифинии... теперь Брусса... и т. д.». Речь явно идет о главном городе Вифинии, где Плиний жил и откуда управлял провинцией. Примечание 103 (стр. 544; кн. X, 81) гласит: «Пруса у Олимпа, не очень значительный город у горы Олимпа... в 38 километрах от Никеи». Это — другой город, на что и следовало указать; кроме того, в тексте 81 письма (стр. 337) она написана с двумя «с» (Прусса), в примечании с одним. В оригинале всюду одно. Название П р у с а д ы встречается в переводе в письмах 58 (стр. 325) и в том же 81-м (стр. 337); к первому имеется примечание 80 (стр. 542): «В Вифинии было два города, носивших это имя: древний Киос, милетская колония неподалеку от Прусы, крупный порт... и т. д.; другая Прусиада была глухим, мало известным городом». В оригинале же в первом случае названа Прусиада (идет речь о родине Флавия Архиппа, креатуры Домициана и врага Диона Хрисостома), во втором — Пруса.

Еще один недосмотр, скорее комического характера, имеется на стр. 26 (I, 45). Плиний упрекает приятеля в том, что тот не пришел к нему на обед, а «предпочел, не зная у кого, устриц, свинину, морских ежей и г а д и т а н о ж». По контексту можно

¹ С одним замечанием М. Е. Сергеевко едва ли можно согласиться. На стр. 467, опровергая буржуазных ученых, видящих причину постоянного самовосхваления Плиния в его «детском тщеславии» и верно характеризуя такое объяснение, как «фальшивое и идеалистическое», сама М. Е. Сергеевко видит причину этого «в отсутствии настоящих нравственных основ, столь характерном для римского общества на его з а к а т е» (Разрядка моя. — М. Г.). Это объяснение тоже «идеалистично»; и «личное тщеславие» отдельных представителей правящей верхушки, и «отсутствие устоев» у этой верхушки являются производными явлениями, неизбежными при рабовладельческом строе, и притом вовсе не только «на его закате». Н а с т о я щ и е н р а в с т в е н н ы е о с н о в ы разве только по мнению последних консервативных республиканцев существовали в эпоху расцвета республики, когда Катон предлагал «вместе со всеми ненужными в хозяйстве вещами продавать „старых и больных рабов“» или когда тысячами казнили и продавали в рабство жителей покоренных провинций, когда был доглот уничтожен Коринф и т. п.

подумать, что «гадитанки» нечто съедобное; примечания к этому месту нет; дальше же, к одному месту II, 3 (стр. 42), где совершенно ясно, что речь идет о человеке («разве ты никогда не читал про одного г а д и т а н ц а, которого великая слава Тита Ливия побудила приехать с края света поглядеть на него»), есть примечание (стр. 479, прим. 16): «Житель Гадеса (ныне Кадикс)». В первом же случае дело, очевидно, идет о каких-то приезжих жителях Гадеса.

Последним приложением, очень ценным, без которого чтение писем потеряло бы большую долю своего интереса, является «Указатель собственных имен» (стр. 551—577), прекрасно составленный и дающий полные сведения о корреспондентах Плиния; этот список сам по себе — занятное чтение. В связи с просмотром указателя замечена опечатка в тексте: по указателю поэт Пассен Павел упомянут в письмах: VI, 15 и IX, 22; во втором случае он же в тексте назван Пассиеном, но по указателю имя Пассиена принадлежит Пассиену Криспу, оратору, упоминаемому Плинием в письме VII, 6. В оригинале же во всех трех случаях стоит имя *Passienus*.

Из всего сказанного видно, что перевод Плиния снабжен большим научным аппаратом. Можно пожалеть лишь о том, что нет сведений о рукописной традиции произведений Плиния, краткого указателя его изданий и что название того издания, с которого сделан перевод, дано в примечании, притом крайне неточном, а именно, на стр. 462 (под строкой) читаем: «Перевод сделан с издания Мерилла 1922 г.».

По поводу внешнего оформления можно сделать только одно существенное замечание: греческие цитаты и отдельные слова, которых у Плиния очень много, следовало давать так же, как это сделано в письмах Цицерона, т. е. в переводе, но курсивом, а подлинный греческий текст относить в примечания; здесь же, наоборот, в примечание вынесен перевод. Хорошо, что письма перенумерованы арабскими цифрами и наверху страниц отмечены номера книг и писем.

Ознакомившись с содержанием книги в целом, обратимся теперь к специальным вопросам п е р е в о д а. Перевод сделан тремя авторами, как это указано в оглавлении (стр. 578); книги I—VI и книга X переведены М. Е. Сергеевко, книги VII—IX — А. И. Доватуром и «Панегирик Траяну» — В. С. Соколовым. Однако при чтении писем нет резкой разницы в стиле перевода; переводчикам удалось достигнуть единства в приемах передачи оригинала. Письма Плиния являются очень своеобразной смесью легкой, бытовой беседы и обдуманной отшлифованной риторической речи; кроме того, они очень разнообразны по содержанию. Многие письма изобилуют бытовыми выражениями, например I, 5, 9, 15, 24; II, 6 и др. Имеются письма чисто описательного характера, например, описание Лаврентийского имения Плиния (II, 17), его же поместья в Этрурии (V, 6) и америнского поместья деда его жены (VIII, 20), крайне интересное по содержанию (оно описывает пловучие острова на большом озере), или источника Клитумна (VIII, 8). Немало писем делового, юридического характера (III, 9; IV, 9 и др.). Есть биографические очерки, например, подробная характеристика Плиния Старшего (III, 5), поэта Силия Италика (III, 7). Наконец, очень много писем посвящено вопросам современной Плинию литературы и риторики, особенно интересовавших Плиния (VII, 9; III, 18 и многие другие). Особенно же знамениты письма Плиния, описывающие извержение Везувия и смерть Плиния Старшего (VI, 16 и 20). Это разнообразие тематики писем требует от переводчика большой гибкости и тонкого знания языка. Надо сказать, что в общем все переводчики хорошо выполнили свою задачу: они донесли текст Плиния до читателя, сохранив его понятность, легкость и занимательность; перевод действительно п о х о ж на свой оригинал. Это подлинный перевод, а не так называемая «калька», мучительно копирующая непередаваемые особенности оригинала. Из двух вышеупомянутых существенных элементов стиля Плиния, бытового и риторического, переводчикам, что вполне естественно, лучше удается передача первого; конечно, полное воспроизведение риторических приемов латинского текста по-русски невозможно, но кое-где возможность частично передать их все же упущена.

Несмотря на то, что в общем перевод является большой удачей, промахи и недосмотры в нем имеются; это тем более досадно, что они заставляют подчас прерывать

связное беглое чтение этого почти беллетристического произведения, принуждают думать над тем, какую мысль автора хочет передать переводчик, и для решения этого вопроса обращаться к оригиналу, что доступно не всем и не всегда. Поскольку эти промахи довольно однотипны и встречаются как во всех книгах писем, так и в «Панегирике», то рассматривать их будет более целесообразно, сгруппировав их с общих точек зрения, чем следуя порядку писем.

Основная причина неудачного перевода некоторых мест заключается, как всегда при переводах с латинского языка на русский, в чрезвычайно больших различиях в строе того и другого языка, в необходимости распространять, иногда разъяснять мысль, выраженную по-латыни с такой сжатостью, которая в русском языке невозможна. Эти несоответствия между формой выражения мыслей в обоих языках проявляются различно: иногда именно в силу распространения мысли и введения новых слов сама мысль становится неясной. Это особенно имеет место там, где вводятся личные местоимения, в латинском языке отсутствующие; чаще, однако, именно не же л а н и е переводчиков ввести лишнее слово, только подразумеваемое в тексте, приводит к неясности; иногда даже при верной передаче отдельных слов общий смысл фразы все же остается непонятным; иногда, наконец, переводчики, стремясь передать сжатость латинского слова, опускают союзные слова, и тем самым смысловая связь между предложениями разрывается. Это, так сказать, неувязки порядка синтаксического. Приведем несколько примеров.¹

I, 3 (стр. 9). Плиний спрашивает Каниния Руфа в ряде риторических вопросов, как идут дела на его вилле в Комуме. «Ну как Комум, наш сладостный приют? А прелестная подгородная дача?... А столовая для приемов и другая для маленького круга? А с п а л ь н и для ночи и дня? О н и завладели тобой и поочередно уступают тебя друг другу? Или же ты, как всегда, занят по имению и тебя отвлекают дальние п о е з д к и? Если о н и завладели тобой, то ты счастливейший человек; если нет, то такой же, как все». В русском тексте «они» (во втором случае) естественно отнести к слову «поездки», что дает как раз обратный смысл к оригиналу: Плиний хочет сказать, что если Руф занят хлопотами по имению и поездками, то он вовсе не «счастливейший», а «такой же как все»; «они», следовательно, должно относиться не к слову «поездки», а к слову «спальни для ночи и дня». В оригинале читаем: «*Quid cubicula diurna nocturna- que? Possident te et per vices pariuntur? Aut, ut solebas, intentione rei familiaris ob- undae crebris excursionibus avocaris? Si te possident, felix beatusque es; sin minus, unus ex multis*». В латинском тексте совершенно ясно, что сказуемое «possident» относится к «cubicula», а не к «excursionibus», стоящему в косвенном падеже. Личного местоимения, указывающего на это, не требуется.

Столь же опасно введение или опущение местоимений притяжательных: так, например, в в е д е н и е притяжательного местоимения «его» в нижеследующем месте «Панегирика» (§ 3, стр. 360) исказило смысл текста: восхваляя Траяна, Плиний говорит: «В самом деле, не приходится опасаться, как бы он не подумал, что я, восхваляя е г о гуманность, на самом деле упрекаю его за его высокомерие или, говоря об умеренности, подразумеваю его роскошь¹. Под милостью — жестокость, под щедростью — скупость... и т. д.». Эта мысль непонятна: как Траян мог подумать, что, восхваляя е г о добрые качества, е г о же упрекают в их отсутствии? В оригинале: «*Non enim periculum est, ne, cum loquar de humanitate, exprobrari sibi superbiam credat; cum de frugalitate, luxuriam*» и т. д. Речь идет не о качествах Траяна, а о восхвалении добродетелей вообще, являющемся «общим местом» многих речей к правителям; однако дурной правитель мог бы принять такое восхваление за нежелательное поучение и за намек на его личные недостатки.

Имеются обратные случаи: например, о п у щ е н и е местоимений делает следующую фразу (в письме 24-м кн. VIII, стр. 260) непонятной: «Плохо, если власть

¹ Кстати, слово «роскошь» в применении к человеку — выражение неудачное, у человека может быть только «любовь к роскоши».

испытывает силу на оскорблениях»; в оригинале мысль ясна: «*Male vim suam potestas aliorum contumeliis experitur*».

В погоне за жгательностью фразы переводчики иногда не вводят дополнений к глаголам или существительным, требующим их. Так, Плиний, обеспокоенный болезнью своего друга Гемина, пишет (VII, 1): «*Меня страшит (лучше было бы «пугает».—М. Г.) твое упорное недомогание, и хотя я знаю, как ты воздержан, но я боюсь, как бы оно не повлияло также на твой образ жизни; поэтому я уговариваю тебя терпеливо сопротивляться. Это похвально, это спасительно*». В оригинале: «*vereor tamen, ne quid in mores tuos liceat. Proinde moneo, patienter resistas*».

В переводе непонятно, чем у Плиний считает нужным сопротивляться; естественно предположить дополнение «болезни», но из дальнейшего текста письма видно, что он уговаривает больного сопротивляться разным неразумным желаниям (относительно еды, питья, купавья и т. п.), которые постоянно мучают больных. Подобный же пример с отсутствием дополнения в родительном падеже имеем в II, 2 (стр. 40). Плиний упрекает друга за долгое молчание: «*Сержусь, мне не ясно, должен ли, но сержусь. Ты знаешь, как любовь бывает порой несправедлива, часто необузданна а...* Она, однако, причина важная, не знаю, справедливая ли».

По-русски следовало пояснить «причина чего?» (гнева, недовольства?). В латинском тексте «*causa magna*» понятна без дополнения. «*Scis, quam amor sit iniquus interdum, impotens saepe... Hacc tamen causa magna est, nescio an iusta*».

Нежелание прибавить одно поясняющее слово делает непонятной следующую фразу (VII, 18; стр. 214). «*Ты совещаешься со мной относительно того, каким образом сохранить и после твоей смерти деньги, которые ты пожертвовал нашим землякам на пиршество?*» Читатель невольно становится втуник: как можно сохранить деньги, отданные на пиршество и, очевидно, проеденные? В тексте же «*in epulum abstulisti*», — что значит — внести капитал на ежегодное устройство пиршества, связанного с местным культовым праздником.

Напротив, опущение одного слова урезывает мысль Плиния в II, 3 (стр. 41). Плиний хвалит греческого ратора Исея за дар речи и простоту нравов: «*Ему уже за шестьдесят, и он до сих пор только школьный учитель: нет людей искреннее, проще и лучше*». Можно думать, что в последних словах Плиний подразумевает только самого Исея, а между тем он говорит об учителях вообще, что совершенно ясно сказано в оригинале — «*adhuc scholasticus tantum est: quod genere hominum nihil aut sincerius, aut melius*»; он противопоставляет их юристам и политикам, приобретающим «на Форуме и в тяжбах много лукавства».

Еще более опасным является недостаточное внимание к служебным словам, частицам и союзам, неполное раскрытие их смысла или их опущение. Так, например, в очень интересном письме о казни весталки при Домициане (IV, 11, § 8, стр. 112) Плиний, приводя жалобные и негодующие слова весталки, пишет: «*Была это лесть или насмешка, говорилось ли из уверенности в себе или из презрения к государю, неизвестно, но это говорилося, пока ее не повели на казнь, не знаю, виновную ли, но несомненно как невинную*». «*Dixit, donec ad supplicium, nescio, an innocens, certo tamquam; innocens, ducta est*». Очевидно, речь идет о том, что она держала себя как ни в чем невинная. Непонятно также, зачем более выразительная активная форма глагола «*dixit*» перестроена в безличный оборот — «*говорилось*».

Еще больше нарушается смысловая связь опущением союза «*nam*» в письме об извержении Везувия (VI, 20) или союза «*ut*» в увещании к наместнику Ахайи (VIII, 24). Приводим оба места. «*Мы провели тревожную ночь, колеблясь между надеждой и страхом. Страх возобладал: землетрясение продолжалось*». В оригинале «*suspensam dubiamque noctem sperac metu exegimus. Metus praevallebat. Nam et tremor tergae perseverabat...et*» и т. д. Союз «*nam*» объясняет, почему страх был сильнее, чем надежда; двояточие же, поставленное в русском тексте, в данном случае недостаточно.

Наместнику Ахайи Плиний пишет: «*Не забывай, чем был каждый город, и не презирай его за то, что он это утратил*». «*Recordare, quid quaeque civitas fuerit; non ut despicias, quod esse desierit*» — Точнее было бы: «*Вспомни, чем был каждый из*

этих городов (дело идет об Афинах и Спарте), но не затем вспоминая, чтобы презирать их за то, что они перестали быть тем, чем были».

Наиболее ярким примером неясности перевода при его абсолютной синтаксической точности можно считать следующее место из I, 8. Плиний по просьбе Сатурнина посылает ему какое-то свое сочинение, при этом просит его отредактировать и выражает это так: «Ты прищипорил лошадь, которая и сама бежит, и разом уничтожил для себя снисхождение за отказ от работы, а для меня неловкость ее взыскивать». В оригинале: «Addidisti ergo calcaria sponte currenti, pariterque et tibi veniam recusandi laboris et mihi exigendi verecundiam sustulisti». Мысль Плиния в более распространенной форме такова: «Ты прищипорил лошадь... и тем самым отнял у себя возможность отказаться от работы, а меня освободил от необходимости стесняться, требуя ее от тебя».

Перейдем к некоторым промахам менее серьезного, уже не грамматического, а лексического характера, — к неудачно выбранным словам и выражениям, которые, не нарушая общего смысла фразы, делают ее все же несколько неясной, портят ее стиль или дают неверный образ. Так, например, в забавном письме к Суре о привидениях (VII, 27) Плиний спрашивает: «Я очень хотел бы узнать, считаешь ли ты, что привидения существуют и имеют собственную фигуру и какое-то бытие». «Velim scire, esse aliquid phantasmata et habere propriam figuram numenque aliquid putes...». Буквальное перенесение латинского слова «figura» в русский текст неудачно, так как оно соответствует по-русски понятиям «формы», «облика» или даже «тела».

Так же резко нарушает трагическую окраску письма об извержении Везувия (VI, 20) перевод слова: «ludificabantur» в фразе «... et plerique lymphati terrificiis vaticinationibus et sua et aliena mala ludificabantur» таким образом: «очень многие, обезумев от грозных предсказаний, дурачились по поводу своих и чужих несчастий». Так как эта фраза связана с предыдущей и объясняет, почему «metus praevalerat» (см. выше стр. 145), то слово «дурачились» не подходит к людям, потерявшим надежду на спасение и переживающим настроение «Пира во время чумы»; лучше было бы «издевались».

Неудачны также два выражения в известном письме Плиния к Траяну (X, 96; стр. 343) с запросом о принятии мер против христиан. «Christo maledicere» переведено через «обругать»; лучше было бы «поносить, хулить, произнести хулу»; обругать можно только того, с кем стоишь лицом к лицу; также и выражению «р g r a m superstitionem» больше соответствует «нелепое суеверие», чем «уродливое». Неудачно и выражение, которое применено к слишком долго говорившему оратору, который, использовав все предоставленное ему время, попросил разрешить ему добавить одну строчку (VII, 6; стр. 204); в оригинале «unum versum adicere»; слово «строчка» может применяться только к письменному, зачитываемому документу, здесь же идет дело об устной речи, и надо было бы сказать «разреши добавить еще одно-два слова», тем более что за этим должна следовать ироническая реплика Плиния: «Да, если в этих словах будет хоть что-нибудь новое».

Точно переведено, но звучит не по-русски выражение: «густая толпа стоящих окружала множество судей не сколько м и ко л ь п а м и» (кн. VI, п. 33) — «densa circumstantium corona latissimum iudicium multiplici circulo ambibat».

Подобные же неудачные выражения, затемняющие смысл фразы, есть и в «Панегирике»; например, «Божественный Нерва стал твоим отцом, движимый к тебе так же чувством, как и ко всем остальным. Да и не должно принимать сына иначе, если усыновляет принцепс». У Плиния: «eodemque animo divus Nerva pater tuus factus est, quo erat omnium. Nec decet aliter filium assumi, si assumatur a principe». Речь идет о том, что Траян был избран Нервой только за свои достоинства, а не по родству или личной дружбе, и слова, «eodemque animo» означают как раз то, что Нерва не был движим никаким особым чувством к Траяну, а относился к нему так же, как ко всем остальным: дальнейшая же фраза относится уже не к Нерве, а к Траяну, так как «assumi» — пассивная форма (т. е. она означает «да ведь и не подобает быть усыновленным иначе, т. е. кроме как за свои достоинства, если усыновляет правитель государства»).

Наконец, следует обратить внимание на то, как губительно может отразиться на смысле фразы неточный перевод предлога, например: «будем соблюдать... ту умеренность, которую мы все усвоили от внезапного прилива чувств...» (§ 3, стр. 359), «quod temperamentum omnes in illo subito pietatis calore servavimus», т. е. «ту сдержанность, которую мы все сохранили даже в момент пылкого преклонения». Подобная же неясность имеется в письме I, 21 (стр. 34), где речь идет о только что купленных рабах; Плиний доволен их наружностью, но не знает еще, вполне ли они честны, и прибавляет: «об этом у невольников надо судить не зрением, а слухом — quod de venalibus melius auribus quam oculis iudicatur»; очевидно, вернее было бы сказать «о рабах» или «относительно рабов» или же «когда дело идет о рабах» и т. п.

Остается сказать несколько слов о передаче некоторых риторических приемов. Придавать большое значение соблюдению их, конечно, не следует: однако там, где они не нарушают строя русской речи, воспроизводить их можно. Например, в уже цитированном письме к правителю Ахайи, где Плиний очень щеголяет возвышенностью своих мыслей и изысканным слогом, легко передать риторическую фигуру климакса: «libertatis nomen eripere d u g u m, f e r u m b a r b a r u m q u e e s t». В переводе — «это было бы зверской, варварской жестокостью» — нарастание понятий пропадает; или там же фигура хиазма — «t i m o r a b i t, s i c e d a s, m a n e t a m o r» тоже стерта в переводе «страх исчезнет, а любовь останется». Этот последний момент, конечно, менее важен, чем смысловые уклонения, но мог бы иногда придать переводу добавочный блеск.

Все эти замечания отнюдь не имеют целью упрекнуть в небрежности коллектив переводчиков, сделавших такую большую работу и подаривших нам такую прекрасную книгу, а должны только лишней раз подчеркнуть, как много трудностей представляет перевод с латинского языка даже для крупных специалистов и как благодарны должны быть читатели, в первую очередь студенты, изучающие античную историю и литературу, тем, кто берет на себя этот утомительный, кропотливый, но чрезвычайно важный труд.

М.¹ Е. Грабарь-Пассек

АРХЕОЛОГИЧНІ ПАМ'ЯТКИ УРСР, т. I—II, Київ, 1949, 264 и 333 стр.

За последние годы археологические работы на Украине получили широкий размах. Кроме украинского Института археологии и его филиала во Львове, в них принимают участие ИИМК АН СССР, ряд университетов и музеев, а также другие научные учреждения. Результаты этих работ постепенно публикуются. Основным изданием украинского Института археологии является периодический сборник «Археология»¹. В 1949 г., наряду с этим сборником, Институт начал издавать также «Археологические памятники УССР», в которых печатаются отчеты и краткие сообщения о полевых исследованиях. В двух вышедших томах помещены сообщения о работах 1945—1946 гг. Первый том посвящен славянским древностям. Он состоит из трех разделов: памятники времен Киевской Руси, раннеславянские памятники и маршрутные экспедиции. Наш обзор мы начнем со второго раздела, в котором помещены следующие статьи.

Е. М а х н о, Поселения культуры полей погребений на северозападном Правобережье (стр. 153—175). Раскопки трех поселений (в селах: Жуковцы Киевской области, Ягнятин и Пражев Житомирской области) имели целью выяснить их топографию и планировку, а также характер жилищ. Всего было раскопано 12 жилищ, собрано большое количество фрагментов керамики, орудий труда, оружия, украшений и т. д. Автор отмечает, что в указанной части Приднепровья поселения культуры полей погребений находятся обычно на юго-восточных склонах надпойменных террас небольших речек. Жилища представляют собой сооружения наземного типа с деревян-

¹ См. обзор первых четырех номеров «Археологии» в ВДИ, 1948, № 4 и 1951, № 3.